

И. В. Богданов

СТРУКТУРА ТИТУЛАТУРЫ В ЕГИПТЕ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ*

Исследования в области административной истории Египта Древнего царства¹ ограничены в самом общем плане двумя темами: сферы деятельности (например, провинциальное управление) и “титуловедение” (термин Д. Франке) [Franke 1984, 103–124], связанное с изучением просопографии. Эти два направления были и остаются в рамках изучения администрации путем установления взаимосвязей между титулом и сферой деятельности чиновника.

Настоящая работа носит сугубо теоретический характер, ее задача – исследование обстоятельств формирования элементов титулатуры в зависимости от их функциональной нагрузки и их влияния на историю титула в процессе развития института, в котором он был задействован, а также способов передачи представлений о деятельности чиновника в статусных и должностных титулах. Иначе говоря, предмет анализа – взаимосвязи между номинацией и функцией титула в контексте собственно титулатуры и в повествовательных текстах. Цель работы в широкой перспективе – возможность применения теоретической характеристики элементов титулатуры для интерпретации титулов Древнего царства, которые еще очень плохо исследованы ввиду прежде всего темноты их содержания.

Исходные пункты анализа титулатуры следующие:

1. *Титул* является структурным элементом титулатуры и не подлежит рассмотрению без учета других титулов данного лица.
2. Блок титулов (или *титулатура*) является основой систематизации материала, так как она отражает иерархию титулов и их взаимосвязи.

* Я признателен Е. А. Романовой (ИБ НАН Украины) за ценные советы и помощь в работе над статьей.

¹ Последнее общее исследование: Ancient Egyptian Administration 2013. Справочники: Jones 2000; Hannig 2003.

3. Определение ступеней *иерархии* в администрации проводится с ориентировкой на статусные титулы, с одной стороны, и должностные – с другой. Эти два класса титулов представляют два уровня административной иерархии: сановой и чиновничьей.

Благодаря *статусному* (или *ранговому*) титулу [Grajetzki 2001, 161–170] определяется фиктивность или реальность должности на разных этапах ее истории. Статусный титул являлся показателем уровня знатности чиновника и степени зависимости от государственного контроля при исполнении должностных обязанностей. К статусным титулам (егип. *jrt kd*, букв. “формирование образа”) в египтологии долгое время царило отношение как к “почетным” (номинальным), поскольку, несмотря на прозрачность переводов многих из них (например, “единственный друг”, “знакомый царя” и т. п.), их реальное содержание остается за пределами понимания. Главная причина этого – в том, что условный перевод статусного титула не дает никакой ключевой информации, а чтобы реально оценить роль сановных титулов, необходимо провести комплексный анализ сочетаний с ними. Вместе с тем, статусный титул как таковой не может выступать объектом просопографического анализа, поскольку он не был привязан к определенной сфере деятельности чиновника. Как отметил Д. Франке, составление полного свода свидетельств о статусном титуле “единственный друг” (*smr-w^ctj*) даст мало пользы – только в рамках исследования устойчивых сочетаний с другими титулами он обретет значимость [Franke 1984, 108]. Без учета статусных титулов можно реконструировать лишь структуру верхних слоев администрации, что и было сделано П. Андрасси [Andrássy 1991, 1–10]. Впрочем, для этого даже анализ просопографии не так уж и обязателен, а с переходом к исследованию низших ступеней управления этот метод и вовсе оказывается беспомощным.

Должность (егип. *j3wt*) являлась показателем занятости чиновника в одной из сфер деятельности, а поскольку таковых часто было много, то на первое место ставился самый важный чин. Значение должности в административной иерархии тесно связано с проблемой “ранга и титула”, или, в рамках другого, более удобного терминологического аппарата – “статуса и должности”. Исходная позиция для серьезного исследования этой проблемы, которая была установлена К. Бэрмом, связана с периодизацией

истории чиновничества, основанной на датировке памятников [Вагг 1960, P.1 ff. (Introduction)]. Должность могла выступать не только показателем бюрократической субординации, не утрачивая функциональной нагрузки, но и символом чиновничьего статуса, фактически превращаясь в статус.

Общие теоретические позиции работы формулируются, исходя из представлений об истоках формирования элементов титулов как номинаций должностей или социального статуса в древнейшем Египте. Под элементами титула понимаются: 1) название профессии, должности или ранга; 2) название института (сфера службы, если есть); 3) дополнение (уточнение сферы службы или занятий, если есть).

Экономический процесс рассматривается как склонный к постоянному реформированию ритуал, в рамках которого происходят культурные изменения в способах производства и организации социальных институтов. Внутри титула экономический институт фигурировал либо как инстанция (например, как ведомства *jz(wj)*, *prwj* и др.), либо как сфера службы (например, культовая – пирамида, храм и пр.). Свою принадлежность к экономическому процессу чиновник выражал в дополнениях к титулу (например, к военному – ...*jnn hkrw njswt m h3swt rsjw* “...приносящий царские сокровища из южных стран” [Jones 2000, №№ 244, 2797], или творческому – ...*jrr mrrt nb.f m hs(t) nfrt* “...исполняющий желанное своему господину прекрасным пением” [Jones 2000, № 1253]).

Социум рассматривается как мифологическое явление, которое государство наделило структурой. Общество – это лишенный атрибутирующих признаков продукт развития экономики, созданный государством для контроля за самой экономикой. Под *структурой* понимается форма внешней организации однородных, но функционально различных предметов или явлений. Для социальных институтов структурой является администрация. Надо добавить, что понятие структура (общества) само по себе условно, так как сам институт (т. е. специфически организованная часть социума в качестве персонала экономически самостоятельного учреждения) является продуктом власти и идеологического сознания персонала. Высшая административная структура Древнего царства вообще исключала наличие элементов, заимство-

ванных из родоплеменной структуры, т. е. вся терминология в ней формировалась “сверху”, поэтому понимание титулов зачастую зависит от степени их архаичности.

Структура института существует лишь в таком представлении о нем, согласно которому он немислим без администрации и номинации. Но реальность иная. Любой институт является основной экономического учреждения, т. е. формы хозяйства, однако социальная форма его организации, т. е. структура, заявляет о себе как сущность института, давая ему номинацию. Между тем, в таком случае реальная, ритуальная функция этого института вуалируется второстепенной, мифической номинацией, просто потому, что иначе это учреждение имело бы иную форму хозяйства. К примеру, чиновничьи и рабочие коллективы, обслуживающие учреждения частного, божественного и царского культа, выполняют одни и те же экономические функции, однако организация хозяйства в разных культовых учреждениях находится в разной степени зависимости от юридических норм, установленных государством, т. е. налогов и повинностей, а также порядка их сбора². Это обстоятельство ставит, в свою очередь, задачу перед администрацией регулировать масштабы и формы производства, в то время как организация культового персонала стремится к стабильности. В результате возникает противоречивая ситуация: установленный ритуал диктует такие принципы формирования персонала, которые соответствуют складывающимся мифологическим представлениям вокруг объекта культа, затем, с течением истории, персонал почти не утрачивает гомогенности, в то время как изначальные ритуальные составляющие (т. е. собственно

² Показательно, что о ведении хозяйственной деятельности на территории учреждения даже в ведомостях из Абусира [Posener-Krieger, de Cenival 1968] сохранилось мало сведений. Действительно, поскольку ведомости посвящены учету поставок и контролю над проведением процедур, то в них фиксируются титулы чиновников, а не работников: т. е. говорится не о том, сколько продукции произведено на полях и в мастерских, а сколько поставлено. Напротив, в гебелейском архиве [Posener-Krieger 2004] указаны как поставщики продукции именно ее производители – *hmw njswt*, т. е. контрольные документы фиксируют ее учет не от контролёров-чиновников, а от зависимых людей.

хозяйство и культ) испытывают влияние как со стороны государства, так и со стороны внутренней администрации учреждения, т. е. структуры.

Оформление *титула* зависело от характера исполняемых обязательств, служебных полномочий, статуса чиновника или сановника. Поскольку титул возникает по “магической” схеме, т. е. до формирования реальных представлений о механизме функционирования той структуры, в которой занят чиновник, то он приобретает рациональное содержание лишь после того, как заложенная в нем идея начинает работать. И наоборот, когда институт прекращает существование, то теряет содержание и титул его администратора.

Таким образом, структура учреждения, управляющая его частным персоналом, стремится к контролю над ритуалом, который тот осуществляет, номинативно позиционируя себя в качестве органа управления экономикой. Однако этот процесс рассматривается как реальность только в рамках мифа, порожденным этим ритуалом – т. е. по отношению к персоналу, как мифическому обществу, осуществляющему ритуал. Сама экономика развивается самостоятельно, результат зависит лишь от условий работы персонала, однако администрация ошибочно полагает, что именно контроль над персоналом (т. е. сохранение принципов организации института и ведения его дел) способствует развитию ритуала. Чиновник управляет институтом, исходя из магических позиций – осуществляя реорганизацию структуры института, он воздействует на социальный организм с целью достижения результата, который был бы получен и без него (т. е. ради получения продукции). Однако, стремясь провести апологию своей деятельности, в рамках структуры, чиновник магическим образом меняет местами означающее и означаемое так, что внутренняя часть ритуала, т. е. производство, оценивается как второстепенная, а внешняя, контроль – как главная. На практике это выражается в том, что культовые составляющие ритуальной жизни института подменяют хозяйственные нужды. Поэтому именно администрация с исчезновением самого экономического института полностью теряет свою сущность, так что расшифровать большинство титулов невозможно, если не знать, в каком институте служили их носители. А о самих институтах в повествовательных

источниках Древнего царства за пределами самой титулатуры сохранилось либо очень мало данных, либо вообще никаких.

Особая сложность – с пониманием так называемых престижных титулов, большинство из которых никогда не употреблялись с дополнениями, поэтому их интерпретация зависит исключительно от контекста всей титулатуры. Например, титулы *mdw rhjt* “посох народа” [Jones 2000, № 1698] и *jwn knmwt* “столп леопардовой skóry” [Jones 2000, № 22], в которых ритуальная составляющая выражена не наименованием сферы службы, а мифическим элементом, обозначающим некую категорию населения, не понятны вообще, ведь “ритуал”, суть которого они пытаются отразить, как реальный процесс никогда не существовал. Чиновник, носитель престижного титула, являлся просто персонажем некоего действия без начала и конца, поэтому его составляющие не могут быть четко номинированы. К примеру, упомянутые титулы *mdw rhjt* и *jwn knmwt* были связаны с правовой сферой, однако их конкретные функции в ритуале не могли быть выражены, поскольку лексикон социальной, мифологической терминологии оперировал исключительно символическими понятиями.

Статусные титулы, поскольку извне ассоциировались с *иерархией*, подчеркивали знатность и полномочия их носителя в сфере управления, а должностные и прочие, извне ассоциировавшиеся с *функцией*, подчеркивали деловой статус чиновника в сфере производства. Внутри же системы управления, которой была гарантирована оптимальная работоспособность, все они были выразителями магической идеи успеха глобального мероприятия, осуществляемого в обществе, – экономики.

Выход за пределы “магической” системы титулатуры был возможен лишь в том случае, если носитель титула воспринимался бы извне как некая деталь этой системы, завладевшая инициативой и вступившая с ней в контакт. Существующая ассоциация титула со сферой деятельности работала таким образом, чтобы исключить возможность восприятия носителя титула как двигателя административной системы, а не подчиненного ей. Круг ассоциаций с титулом был слишком беден, поэтому они могли подчеркнуть лишь подчиненное положение его носителя. Он был лишен индивидуальности, ибо не мог отразить ее в титулатуре, которая и являлась единственным отражением его внутреннего

мира, как он виделся извне. Поскольку задача титула – воплотить идеальные представления о функциях его носителя, то сам чиновник всегда выступает лишь их исполнителем, лишенным инициативы проводником идеи, заложенной в его титуле.

Титулатура – единственный элемент частного памятника культуры Древнего царства, который выдает в его хозяине государственного чиновника. Все остальные элементы находятся за пределами его служебной деятельности и относятся к его частной жизни, идеальные сцены которой показывают панораму его загробного мира. Единственный путь, который мог выбрать чиновник для выражения своего реального участия в ритуале, т. е. в экономическом процессе внутри своего учреждения – это изобретение дополнений, эпитетов, а впоследствии – фразеологизмов, процесс комбинирования которых в конце 4 династии приводит к появлению так называемой автобиографии. Хотя именно с этого момента, когда чиновник начинает раскрывать обстоятельства карьерного роста, можно отследить его этапы, из-за неясностей в системе взаимосвязи между титулами вопрос все равно остается чересчур запутанным³, к тому же цель и назначение автобиографии были таковы, что сведения ее о карьере чиновника оказываются очень субъективными. Повествовательный текст, который принято рассматривать в рамках жанра автобиографии, повествует о карьере, но при этом формально выходит за пределы титулатуры, ибо его сюжеты рассказывают не о службе, закрепленной в титулах, а о процессе их достижения, при этом стремятся подчеркнуть известную самостоятельность хозяина в его деятельности и проявленную им инициативу. Более того, в повествовании чиновник может и вовсе не упоминать должностей, которые давали ему право вести деятельность (например, судебную, как описано *wnj*), поэтому биографию нельзя считать в прямом смысле комментарием к титулатуре. Биография рисует идеальную картину, достоверность которой заключается лишь в отражении событий в карьере чиновника или военачальника. Царь может закрепить ее результат наградой – повышением или почестями, причем констатация этого итога чаще всего и выступает собственно

³ О карьерных сдвигах по данным титулатуры см. также: [Strudwick 1985, 172–174].

содержанием биографии, полностью вытесняя подробности – причины и обстоятельства неожиданного внимания царя к отличившемуся чиновнику, но если они и присутствуют, то герой повествования описывает их как нереальные в обычной ситуации или, наоборот, как слишком обыденные.

Поскольку автобиография – рассказ об аномальной карьере, то чиновник начинает в ней использовать термины, не употреблявшиеся в титулах. В частности, юридическая терминология, появившаяся, как и прочие элементы бюрократического лексикона, магическим путем (т. е., в данном случае – до появления действующего права), в биографиях и прочих частных аттестациях упоминается редко. Напротив, риторическая терминология, например, понятие *dt* “вечность” как обозначение культовой собственности лица или учреждения, проникает в частные и официальные тексты позже практических правовых понятий, связанных с контролем. Риторический термин возникает в процессе сакрализации института, который изначально функционировал вне культовой жизни, затем он проникает в ритуал, который в нем исполняется, и становится одним из элементов развивающихся мифологических представлений об объекте культа. Контрольно-правовая же терминология является архаичной и имеет реальную силу воздействия на осуществляемый в институте процесс, в отличие от вторичных, мифологических понятий (вроде упомянутого *dt*), которые имеют хождение в обществе. Тот же процесс произошел со многими титулами, хотя он имел и разные особенности в зависимости от характера титула (статусного или должностного). К примеру, рядовой титул *hntj-š* появился как обозначение служащего дворца (*hntj-š pr-š*); со временем он сакрализовался и стал обозначать только служащего пирамиды, а при 6 династии он и вовсе стал передавать придворный статус чиновника в резиденции (сходный с титулом *jrj-p^t* “(столичный) князь”)⁴. Вероятно, это было связано с тем, что провинциальный князь получал право носить титул служащего пирамиды правящего царя как “эмиссара” центрального правительства,

⁴ Судя по надписям *s3b.n.j* и его сына *mhw* II [Гробница QH 26. Edel 2008. Bd I, 51–52. Taf. 9, 243–244 (Abb. 32–33). Text 59; ibidem, 53, 56–57. Taf. 8. Text 60].

ведь одной из основных функций рядового чиновника *hntj-š* была именно служба в качестве эмиссара. Так титул из структуры чиновничества фактически стал показателем социальной иерархии. Сходный процесс происходил и с титулом *hm njswt* “раб царя”, который еще при 3–4 династиях (и в течение всего Древнего царства) обозначал низший слой государственных работников, однако вскоре добавление *njswt* “царь” стало факультативным, а сам титул *hm* “раб”: а) быстро сакрализовался (стал выступать универсальным обозначением ординарного культового служащего); б) стал обозначать зависимые слои общества вообще. Таким образом, статусные титулы тяготели к превращению в социальные категории, сословия. Показательно, что титулы *p^{ct}* “знать, патриции” и *rhjt* “плебеи” в системе глобальной социальной иерархии вообще крайне редко включались в титулатуру, т. е. фактически не покидали мифологического мира, что немудрено, ведь они зародились в архаическом социуме еще до возникновения новых, государственных ритуалов.

Динамика такой “мифологизации” титулов зависела от степени влияния разных инстанций и ведомств на организацию бюрократического аппарата и общество, отношения между которыми определяли ход реформ в должностных структурах. Для внесения ясности в понимание египетских принципов соответствия номинации титула с его функцией и полномочиями уместно привести некоторые параллели из западноевропейской средневековой реальности (совершенно формально, ибо на ее месте можно представить любую другую. Так, дворянский титул (например, “герцог”), утратив первоначальное содержание (*dux* – “военный вождь”), стал символом социального статуса и обладания правами на проведение определенных мероприятий. Придворный титул (например, “кравчий”) сохранял условно объективное содержание и также награждал своего носителя полномочиями по приказу правителя (например, на ведение военных действий). Причем в Египте наблюдалась тенденция к размыванию полномочий таких чиновников: к примеру, владельцы статусного титула *rh njswt* еще при 4 – нач. 5 династии могли действовать на местах как полномочные представители, уточняя область своей деятельности, а позднее эта практика была упразднена.

Разумеется, на разных этапах истории Древнего царства тот или иной способ фиксации социального статуса имел ограничения. Любому чиновнику нужно было приводить полный перечень своих титулов только в гробнице, на памятниках, должных характеризовать его облик в совершенном виде, вне зависимости от периода и фронта службы. Он стремился запечатлеть накопленный опыт во всех видах работ и занятий на века. Причем этот обычай базировался вовсе не на призрачных расчетах чиновника на то, что ему найдется практическое применение после смерти как специалисту в одной из освоенных им областей, чтобы тем самым выслужиться за счет опыта прошлой жизни, а на естественном убеждении в том, что с этапа, условно прерванного смертью, жизнь течет и дальше. И гарантом ее является культ. Титулатура формировала идеальный образ, который строго фиксировал статус человека в обществе (а в итоге – степень близости к царю), а не разные стороны его деятельности как чиновника, которые тем более теряли практическую ценность, если он успевал закончить карьеру и уйти в отставку.

В исключительных случаях чиновника могли наградить и посмертным титулом⁵, не делая различий между его прижизненным статусом и посмертной славой. Похожая ситуация развивалась в нижних слоях администрации: челядинец, исполняющий службу в должности, приобретенной его хозяином, вполне легально фиксировал ее в титулатуре как свою собственную, ибо таковой она считалась и в обществе. Более того, он мог быть изображен как функционер в той же должности и в сценах гробницы своего начальника, более крупного сановника, который мог отметить ее и в своей титулатуре, поскольку имел с нее доход. Наличие низких рангов в титулатуре некоторых визирей 5–6 династий вовсе не означает то, что они исполняли эти должности даже в начале своей карьеры. Реально исполняемая должность могла фигурировать по любому поводу и в любых текстах, хотя из документации самой сферы службы (прежде всего, если она носила сакральный характер) она могла и исключаться. Здесь действовала своя логика: поскольку владелец должности свои обязанности

⁵ Например, *mḥw* [Altenmüller 1998, 82–83] и *dꜣw* [Sethe 1932–1933. = Urk. I, 147, 13–16].

не исполнял, а его заместитель не являлся полноценным ее обладателем, то и сама она не подлежала фиксации. А оба лица, носившие титул, называвший функции данной должности, выступали под своими основными титулами, которые являлись, следовательно, лишь показателями их официального статуса⁶. Это явление в бюрократической практике могло быть связано с одним фактором: ни тот, ни другой носители должности не были на нее назначены администрацией учреждения, в которой они получили место службы. Это имело, в свою очередь, свои причины, определявшиеся спецификой данной сферы: либо ее организационная структура была замкнутой настолько, что пополнение кадров не позволяло расширить ее из-за функциональной занятости всех членов персонала, либо деятельность ангажированных лиц выходила за рамки этой структуры в принятой здесь должностной системе (т. е. их “титул” просто выпадал из иерархии).

В бюрократической практике факт исполнения чиновником чужих обязанностей мог отразиться в том, что продолжающееся или завершившееся мероприятие контролировал чиновник “не из той конторы”. Надо полагать, таких “нарушений” было немало, и вряд ли они всегда существенно влияли на порядок администрирования, поскольку рядовая бюрократия часто оказывала влияние на аппарат, а к сфере чиновничества, в свою очередь, сильно тяготели простые исполнители. Судя по данным абусирских папирусов, в жизни института эта практика приобретала легитимность благодаря обычному заместительству, санкционированному частным порядком. В титулатуре же заместительство предполагается благодаря случаям совмещения функциональных титулов с должностями, конкретизированных дополнениями, чтобы удостоверить факт их реального исполнения. Лишь место дополнения к титулу в разных стандартах титулатуры позволяет установить, насколько реальна была такая должность “с

⁶ В абусирских папирусах много раз отмечены случаи, когда служащие из верхних слоев администрации все равно не именуется жрецами, хотя у них была возможность назваться *hntj-š* пирамиды (см., например, о “смене” визиря *mjnw-nfr(.j)* [Posener-Kriéger, de Cenival 1968. Pls. 21m; 31B, 63A; Posener-Kriéger 1976, 389–390, 430, 568–570]). Давало ли это право внести эту должность в титулатуру самому визирию, сказать трудно.

дополнениями”, поскольку уточняющая ее формальность часто не отличалась от функционального титула, причем настолько, что и сам чин иногда кажется фикцией, приставкой к подробному дополнению. Например, ваятель или певец мог конкретизировать род деятельности в дополнении к статусному титулу – например, такому как *rh njswt* “знакомый царя”, в результате их функции устанавливаются именно по дополнению, а сущность основного титула так и остается за пределами понимания.

Исходя из этих наблюдений, можно представить, что в рамках так называемого “кладбищенского обычая”⁷ свобода действий чиновника, составлявшего титулатуру, была весьма ограниченной. О распространении лживых аттестаций и, соответственно, о контроле за ними можно только гадать, – уж слишком “личностной” кажется сейчас эта область загробной эпиграфики. Сомнения же в историчности состава титулатуры будут беспочвенны, поскольку штамп “кладбищенский обычай” не был универсальным понятием, он прилагался лишь к риторическим аттестациям, а не к титулам. Возникновение понятия было связано не с должностной, а с общественной деятельностью чиновника в условиях распада государства, когда его успехи на государственной службе перестали интересовать посетителей гробницы. Приписывание лишних титулов не имело практического значения для чиновника – далеко не на всех памятниках гробницы он мог позволить себе даже привести полный стандарт титулатуры. Титулатуры на стелах I Переходного периода часто сильно сокращались – оставалось самое главное, а подчас и вовсе лишь заупокойный титул “блаженный”. Таким образом, титулатура была только средством выражения образа чиновника, и сомнения в реальности ее элементов возникают не по объективным причинам, а от непонимания сути феномена. Между тем, от употребления термина “фиктивный титул” пока нельзя отказаться по субъективным причинам, отнюдь не связанным со структурой титулатуры как

⁷ Понятие “кладбищенский обычай” (*j3wt hr(j)t-ntr*) было в употреблении в конце Древнего царства [Fischer 1968, 142, 145, 154; Coulon 1997, 113–114, 119; Hannig 2003, 30]. Так египтяне называли лицемерную и хвастливую риторику погребальных надписей. Вообще слово *j3wt* значит “институт, установление”, шире – “должность, профессия, функция (в том числе – предмета)”.

блока формульных номинаций занятий чиновника, передающих его статус в жизни подобно нынешним паспортным данным.

Возможность фиктивной номинации занятий чиновника реализовывалась только через такой титул, который изымался из магической (формульной) сферы и помещался в мифологический (риторический) контекст. Таким образом, в пределах титулатуры фиктивный титул никогда не фиксируется. В биографических надписях и аттестациях титул может фигурировать:

а) как *функциональная* фикция – когда реальная деятельность чиновника в определенной сфере службы давала повод для ее номинации. Такой титул может выступать как эпитет, раскрывающий функцию, на переходе от титулатуры к биографическому контексту. Фиктивность таких примеров иногда выдают приемы номинации через вводную фразу, как правило, *jrj.n.jl/jrr* “я выполнял/выполняющий (должность)”, но такая фраза не всегда вводит фиктивный титул, поэтому разницу между фикцией и реальностью часто установить трудно: титул по должности чиновник уже рассматривал как профессию. Итак, функциональная фикция раскрывает реальную занятость чиновника в служебной сфере с подчеркиванием должности.

б) как *номинальная* (или *иерархическая*) фикция – когда частная деятельность в пределах области или института давала шанс заимствовать титул из государственной номенклатуры: например, “начальник скота” в своем же хозяйстве, “начальник владения” своего господина, “генерал” в своем городе, и т. д. Иначе говоря, в этом случае функции контроля выполнялись чиновником не для государства, а для частного учреждения. Номинальная фикция была основана на подчинении низшего титула высшему чину с подчеркиванием сферы службы и получила распространение в эпиграфике лишь с конца 6 династии.

Что касается различий в стандартах титулатуры для чиновников разных рангов и видов деятельности, которые можно было бы охарактеризовать как показатели фиктивности, то их следует объяснять с хронологических позиций.

К примеру, по целому ряду формальных причин можно увидеть в титулатуре визирей фиктивные должности и, в конце концов, поставить под сомнение достоверность ее информации. Уже с конца I Переходного периода отмечают существование

фигтивных “визирей”, причем будто бы вполне легитимно выполнявших эти функции. Впрочем, историки Среднего царства начинают подозревать фиктивность титула “визирь”, только обнаружив наложения и прочие нестыковки в хронологии визирата [Grajetzki 2003, 217 ff. (ср. по Древнему царству: *ibidem*, 217, Anm. 1–2)]. Дискуссия о сущности “титулярного визирата” в конце эпохи Древнего царства также существует, и в ней много аспектов, разбор которых превращает ее в “спор о номинации”, – как отметила Э. Мартин-Пардей, отстаивая подходы В. Хелька в критическом разборе книги Н. Страдивика о высшей администрации [Martin-Pardey 1989, 546–549]. Этим аспектов множество, и все они, действительно, “номинативны”: титул “визиря”, если он внушает сомнения, рассматривается как “почетный”, “полномочный”, «неполно-занятый (в какой-либо сфере производства или территориального управления, “job-sharing”»)» и т. д. Немудрено, что сама Э. Мартин-Пардей обозвала нудным (“langatmig”) весь этот схоластический спор [Martin-Pardey 1989, 547], ведь действительно – он не демонстрирует главного: метода выявления этих аспектов. Между тем, даже если реформирование визирата было связано с размежеванием функций в организационной структуре, титул по-прежнему ассоциировался со всем кругом полномочий его носителя.

Нельзя забывать, что визирь, который был смещен со своей высокой должности в порядке ротации, но продолжил государственную службу, все равно включал титул визиря в титулатуру на своих памятниках. Причем так поступило, пожалуй, большинство известных визирей, которых известно гораздо больше, чем царей, а археология продолжает открывать и новые имена⁸. Современники могли сказать просто: “это – бывший визирь”, а включал ли он титул визиря в титулатуру, их вовсе не касалось. Собственно, любой чиновник мог отразить в титулатуре титулы должностного характера, относящиеся к разным этапам карьеры (причем как служащий одной корпорации он мог позволить себе отразить

⁸ Хронология визирей разных периодов Древнего царства представлена в работах: [Strudwick 1985, 300–333; Kanawati 2003], и др. Добавить: *k3.j-jrr.j* [Daoud 2000, 103]; *z3tw*, *htr* [Dobrev 1996, 105–107, A1–A2]; *k3r* [Bárta 2009].

всю ее иерархию, в которой он мог быть и рядовым, и начальником). В итоге из титулатуры могли изыматься лишь ранние статусные и соответствующие им престижные титулы, уже утратившие актуальность в связи с ростом карьеры ее носителя. Следовательно, стеммы титулов, составленные по принципам К. Бэра [Baer 1960, 231–239], помогут лишь установить хронологию сочетаний титулов, но не позволят констатировать взаимосвязь между его составляющими, хотя именно это и лежит в основе метода исследования функций титула, ведь его перевод часто ничего не дает. Для методологии исследования высших институтов власти, и прежде всего визирата, этот момент – большое место: поскольку преемник мог умереть значительно раньше предшественника, хронология визирей вовсе не обязательно должна соответствовать хронологии гробниц. Как обстояли дела с другими должностями, реконструкция хронологии которых невозможна, и насколько стройной была административная система в Древнем царстве, пока трудно судить.

Если организационная структура института не была строгой, это давало чиновнику свободу в выборе элементов для титулатуры, из-за чего хронологию развития этого института трудно установить с высокой степенью надежности; если же его должностная система в какой-то период изменялась, то это могло быть связано только с реформированием его организации. Если сфера службы вообще лишь подразумевается, но не называется (как в случае с визиратом или монархией, где должность отождествляется с самим институтом и является высшей в иерархии), то расширение института (т. е. появление свидетельств вне его основной хронологии) являлось следствием его кризиса.

Заключение:

1. Магические элементы титулатуры, т. е. наименования должностей и рангов, создавались до возникновения государственных экономических институтов и не заимствовались из понятийного лексикона, сложившегося в обществе до возникновения государства.

2. Мифологические элементы титулатуры, т. е. риторические характеристики деятельности, заимствовались непосредственно из социума, при этом, несмотря на консерватизм организации

определенного учреждения, существовавший вплоть до завершения функционирования его персонала, все они обладали символическими, т. е. не присущими этой организации изначально, признаками, а поскольку эти элементы возникали спонтанно, то они носили акцидентальный и факультативный характер.

3. Ритуальные элементы, т. е. наименования экономических институтов (включая военные), обладали атрибутивными характеристиками и тяготели к постоянной динамике, подчиняясь при этом закономерностям циклического развития, подобно физическому процессу, на который не могли повлиять органы бюрократического контроля. Последние могли лишь реформировать экономику, т. е. подвергнуть изменениям структурные составляющие, но не изменить ее ход. Попытки искусственно повлиять на ее сущность приводили к коллапсу, что означало и гибель самой административной структуры, полагавшей, что именно под ее контролем развивается экономика.

ЛИТЕРАТУРА

Altenmüller H. Die Wanddarstellungen im Grab des Mehu in Saqqara. Mainz, 1998.

Ancient Egyptian Administration / Ed. by J. C. Moreno García. Leiden, 2013.

Andrássy P. Zur Struktur der Verwaltung des Alten Reichs // Zeitschrift für ägyptische Sprache and Altertumskunde. Bd. 118. Leipzig / Berlin, 1991.

Posener-Kriéger P., de Cenival J. L. The Abu Sir-Papyri. London, 1968.

Baer K. Rank and Title in the Old Kingdom. Chicago, 1960.

Bárta M. Abusir XIII. Abusir South 2: Tomb complex of the vizier Qar, his sons Qar Junior and Senedjemib, and Iykai. Praha, 2009.

Daoud, K. A. The Mastaba of Kairer, Preliminary Report on the Field Work, Seasons 1995–1998 // Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. T. 75. Le Caire, 2000.

Dobrev V. Les marques sur pierres de construction de la nécropole de Pépi I // Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. T. 96. Le Caire, 1996.

Edel E. Die Felsgräbernekropole der Qubbet el Hawa bei Assuan. I. Abteilung (Band 1–3). Die Architektur, Darstellung, Texte, archäologischer Befund und Funde der Gräber QH 24 – QH 209. Aus dem Nachlass verfasst und herausgegeben von K.-J. Seyfried und G. Vieler. Paderborn, 2008.

Fischer H. G. Dendera in the IIIrd Millenium BC. New York, 1968.

Franke D. Probleme der Arbeit mit altägyptischen Titeln des Mittleren Reiches // Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion. Heft 83. Göttingen, 1984.

Grajetzki W. Der Gebrauch von Rangtiteln in der Provinzialregierung der 1. Zwischenzeit und des frühen Mittleren Reiches // Begegnungen – Antike Kulturen im Niltal. Festgabe für Erika Endesfelder, Karl-Heinz Priebe, Walter Friedrich Reineke, Steffen Wenig. C. B. Arnst, I. Hafemann, A. Lohwasser (Hrsg.). Leipzig, 2001.

Grajetzki W. Die höchsten Beamten der ägyptischen Zentralverwaltung zur Zeit des Mittleren Reiches. Prosopographie, Titel und Titelreihen. Berlin, 2003.

Hannig R. Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit. Mainz am Rhein, 2003. Hannig-Lexica 4.

Jones D. An Index of Ancient Egyptian Titles, Epithets and Phrases of the Old Kingdom. Vol. I–II. Oxford, 2000.

Kanawati N. Conspiracies in the Egyptian Palace. London, New York, 2003.

Martin-Pardey E. Die Verwaltung im Alten Reich, Grenzen und Möglichkeiten von Untersuchungen zu diesem Thema // Bibliotheca Orientalis. Vol. 46 (5/6). Leiden, 1989.

Posener-Kriéger P. I papiri di Gebelein (scavi G. Farina 1935). Torino, 2004.

Posener-Kriéger P. Les archives du temple funéraire de Néferirkarê-Kakaï. I–II. Le Caire, 1976.

Strudwick N. The Administration of Egypt in the Old Kingdom. London – New York, 1985.

Sethe K. (Hrsg.) Urkunden des Alten Reichs. Zweite Ausgabe. Leipzig, 1932–1933.

Coulon L. Véracité et rhétorique dans les autobiographies égyptiennes de la Première Période Intermédiaire // Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. T. 97. Le Caire, 1997.